

Патриарх сказал: “Вы можете выбрать оружие, которое понравилось вашим глазам.”

Ан Цзию отвела взгляд, когда услышала эти слова, и вошла внутрь.

Как только Мэй Руян сделала шаг, она ударилась ногой об угол деревянного стеллажа, и часть оружия выпало. Она была так напугана, что поспешно присела на корточки, чтобы признать себя виновной.

“Не страшно, продолжай,” – сказал Патриарх.

Мэй Руян вздохнула с облегчением и двигалась более осторожно. Через некоторое время ее глаза наконец привыкли к тусклому освещению, и она немного расслабилась.

Обычно движения Мо Сигуя чрезвычайно медленны и элегантны. Только несколько мастеров могли ясно почувствовать, что он внезапно развязал оковы своего мастерства с семью чувствами. Все они посмотрели на Старейшину Ци и молчаливо улыбнулись.

Мо Сигуй первым взял в руки оружие - складной веер. На поверхности веера был нарисован цветок абрикоса, а рядом с ним надпись “из стены выходит ветка красного гинкго”. (Красный абрикос из стены пророс).

Он не мог видеть разницу между этим веером и обычным складным, но ему просто показалось, что стихотворение было превосходным.

Щеки старейшины Ци дрогнули, а старейшина Сянь слегка усмехнулся: “Этот ребенок действительно соответствует темпераменту старика. Если бы не неподходящий талант, старик действительно хотел бы забрать его себе.”

Мэй Руян некоторое время смотрела на двоюродного брата, затем остановилась перед несколькими музыкальными инструментами: “Пипа, гуцинь, их тоже можно рассматривать как оружие?”

Верно, в домах, торгующих красотой, таких как Синсянгуань, какой мужчина напившись не мечтает умереть под звуки прекрасной музыки? Мэй Руян была очень заинтересована в одном Цине, но она только что покинула бордель и сопротивлялась прошлым навыкам.

Она уже собиралась отвести взгляд, но услышала, как патриарх сказал: “Делай выбор в соответствии с интуицией своего сердца и не думай ни о чем другом”.

Мэй Руян была ошеломлена, долго стояла перед Цинем и, наконец, протянула руку, чтобы поднять его.

Эти двое уже выбрали, но Ан Цзию, которая начала действовать первой, пока не нашла ничего подходящего. В сердце Ан Цзию ни одно оружие не сравнится со снайперской винтовкой. Если нет снайперской винтовки хватит и связки взрывчатки!

По сравнению с холодным оружием, Ан Цзию явно предпочитала в душе огнестрельное.

Старейшина клана Чжи, который обратил на нее внимание, неожиданно появился перед ней. Он склонился в длинном поклоне, и его темные глаза, казалось, вспыхнули блеском: "Что ты об этом думаешь?"

"Лук?" Ан Цзию согнула пальцы, поиграла тетивой и прокомментировала: "Необходимо слишком много усилий."

Патриарх сунул лук ей в руку и сказал с отвращением: "Только твои тонкие руки и худые ноги виноваты в этом. Ты должна научиться натягивать его! Давай, бери, не будь восьмилетним ребенком!"

Ан Цзию взяла лук, который не подходил ей, и последовала за патриархом к выходу.

Она была полна сомнений: из воспоминаний Мэй Цзию она узнала, что этот год был седьмым годом правления Цинъюань Великой династии Сун. Это ведь, династия Южная Сун? Разве женщина в это время не должна быть нежной с тремя или четырьмя добродетелями? Даже если в большой семье женщин учат игре на цине, шахматам, каллиграфии и живописи, как они могут позволить им раздовать оружие?

Ан Цзию подумала про "командование Му Гуйин", но она не могла вспомнить, происходило ли это в династии Южная Сун или Северная Сун. Может быть, династия Сун на самом деле была не такой феодальной, как он думал?

Покинув оружейную комнату, патриарх и старейшины решили обсудить результат.

"Старейшина Сянь, что вы думаете о Пятнадцатой дочери?"-спросил патриарх!

Старейшина Сянь слегка опустил голову.

"А что касается ... четырнадцатой дочери?" Патриарх некоторое время осматривался и, наконец, остановился на старейшине, который больше всего общался с Ан Цзию: "Старейшина Чжи, как тебе она?"

Старейшина Чжи улыбнулся и сказал: "Что ж, этот старик примет ее."

"Извини, могу я спросить, почему?"

Старейшина Чжи указал пальцами, похожими на мертвые ветви, на положение своего сердца: "Сердце подобно воде".

Старейшина Чжи обращал внимание на поведение Мэй Руян и Ан Цзию с тех пор, как они вошли в это помещение. Глаза Мэй Руян были очень умные, и было видно, что в своем сердце она оценивала окружающие ее вещи и хотела их. Ан Цзию выглядела так, будто держала все под контролем, но на самом деле у нее не было желания удержать подобные вещи. Для ее уверенности в себе, было три возможности: одна глупая, другая безразличная, и третья заключалась в том, что ее сердце тихо, как долина.

Поведение Ан Цзию, очевидно, невозможно было назвать глупым, и старейшина Чжи не верил, что молодая девушка может не заботиться о таких вещах, поэтому он предположил, что это был последний вариант.

Поскольку старейшина Чжи настаивал, патриарх больше не задавал вопросов: "В таком случае вам троим следует отправиться в Сонгцюань, принять ванну и совершить церемонию поклонения учителю завтра рано утром."

"Хорошо". После того, как трое молодых людей торжественно поклонились, они удалились.

Патриарх отослал своих подчиненных, и в доме остались только он и пятеро старейшин.

Старейшина Сянь первым сказал: "Третий дядя, ты не брал учеников семь лет, как ты мог, сегодня ..."

Старейшина Мин продолжил: "Да, у четырнадцатой дочери нет хороших навыков в каллиграфии, не говоря уже о том, что ее шаги плывут, когда она идет, ее тело слабое, и она не тот материал, что подходит для занятий боевыми искусствами. У нее только очень хорошее лицо. Так, что она соответствует условиям брака и только. Боюсь, это ..."

Старейшина Чжи достал из рукава листок бумаги и встряхнул им. Это был тот самый, который только что написала Ан Цзию!

Там присутствовали все эти мастера, но никто не заметил, когда он забрал его!

"Хотя иероглифы уродливы, кончик пера решителен, а написание слегка резковато и энергично." Старейшина Чжи прищурился, наблюдая, как свет проходит сквозь бумагу. Не было никакого намека на игру. "Вы заметили? Войдя в арсенал из главного зала, она остановилась, даже подумывала о возвращении, но ей не было необходимости адаптироваться к свету. Бог дал ей пару хороших глаз."

Старейшина Чжи заслуживал слова "мудрость", и он, естественно, не был обычным человеком. Он был чемпионом на вступительных экзаменах в возрасте четырнадцати лет. Поскольку он

был одновременно гражданским и военным, красивым внешне и весьма благословенным, он остался в столице в качестве чиновника. В возрасте семнадцати лет семья Мэй столкнулась с кризисом. Он отказался от своего великого будущего, подал в отставку и вернулся домой. Как патриарх, он поддерживал семью Мэй одной рукой. В возрасте сорока лет он передал должность патриарха и начал путешествовать. Десять лет спустя он вернулся в Мэйхуа и стал старейшиной клана Мэй.

Конечно, у него были сожаления в этой жизни, но в целом все шло очень гладко.

“Увы! Из-за моего душевного состояния, мое кюдо (искусство стрельбы из лука) постепенно вернулось к спокойствию и лишено кроважанных намерений. Боюсь, что у меня нет надежды в моей жизни. Я надеюсь, что смогу увидеть настоящее Кюдо при жизни!” Старейшина Чжи не был оптимистичен по поводу четырнадцатой дочери, как и по отношению ко всем. Но он вложил в свое сердце надежду.

Снаружи дома солнце заливала красочные клены.

Мо Сигуи остановил Ан Цзию: “Ты должна объяснить, что произошло сегодня утром?”

Мэй Руян не хотела останавливаться, поэтому она сказала: “Пусть кузен и сестра поговорят, а я сначала приму ванну.”

“Хорошо,” - вежливо сказал Мо Сигуй.

Мэй Руян опустила глаза, обняла свой новый Цинь и ушла с Вэнь Би в хорошем настроении. Вэнь Цуй отступила на два фута, с интересом поглядывая на них.

“Что объяснить?” - спросила Ан Цзию.

Мо Сигуи посмотрел на нее с улыбкой, все еще сердясь: “Ты шакала меня.”

“Ты же не хочешь взять свои слова обратно, не так ли?” - спросила Ан Цзию.

Мо Сигуи улыбнулся и взмахнул веером с веточкой красного гинкго. “Место, где я схватила моего кузена, действительно не скромное.... Но моему кузену это понравилось?”

Ан Цзию приподняла уголок рта и посмотрела вниз, на его промежность: “Хе-хе, до тех пор, пока тебе это нравится, до тех пор, пока тебе это нравится... Сначала я хотела ухватиться за эту ручку, но кто знал, что она слишком маленькая, поэтому я схватила тебя в другом месте.”